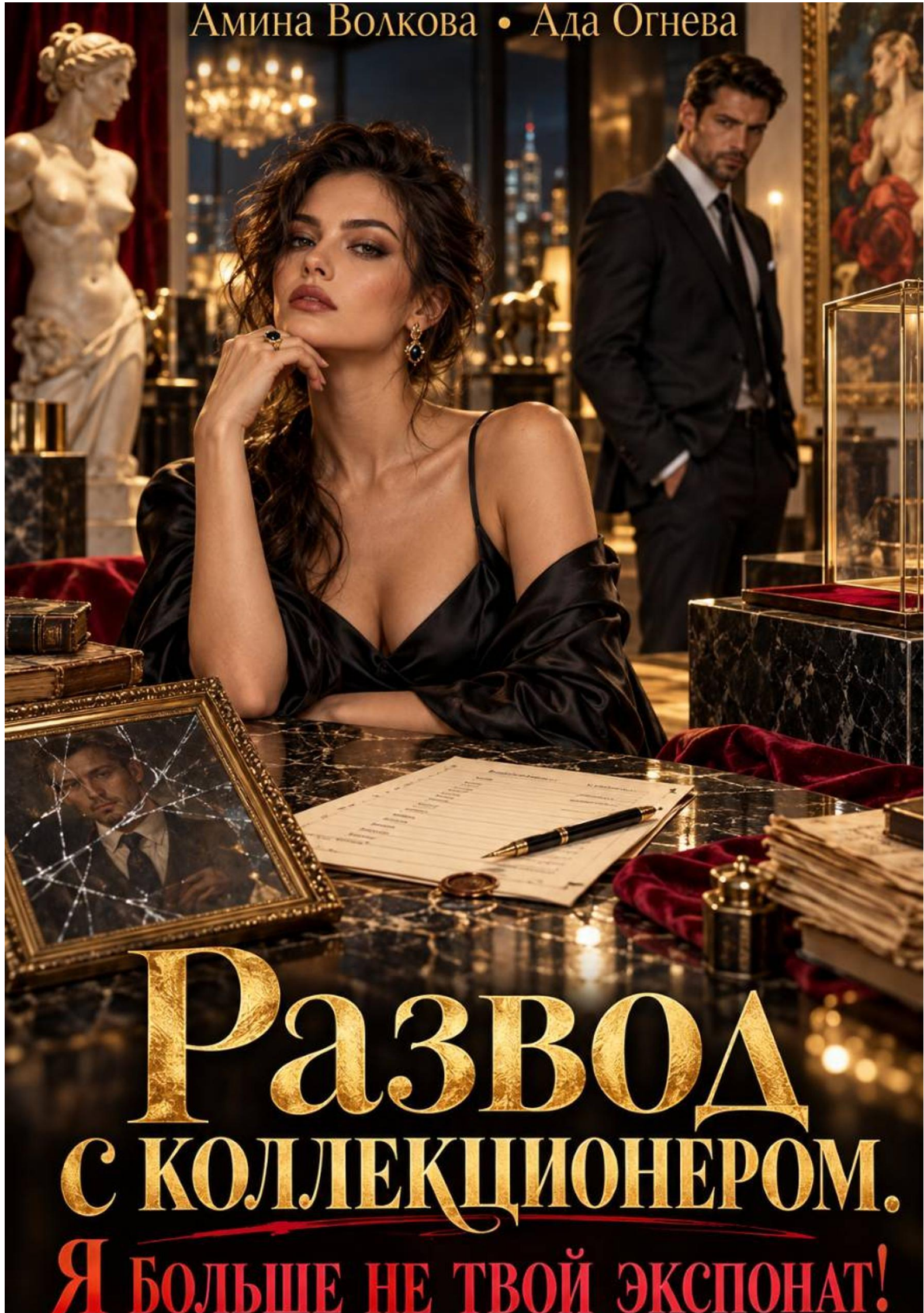

Амина Волкова • Ада Огнева

РАЗВОД С КОЛЛЕКЦИОНЕРОМ.

Я БОЛЬШЕ НЕ ТВОЙ ЭКСПОНАТ!

Ада Огнева

**Развод с коллекционером.
Я больше не твой экспонат!**

«Автор»

«Автор»

2026

Огнева А.

Развод с коллекционером. Я больше не твой экспонат! /

А. Огнева — «Автор», «Автор», 2026

На разводе муж объявил, что мои дневники, чертежи и секреты реставрации теперь принадлежат ему.— Ты была частью моей коллекции, Алиса. И я продам её целиком! Виктор выставил мою жизнь на закрытый аукцион, а его любовница уже праздновала победу. Я лишилась мастерской, денег и доброго имени. Но загадочный коллекционер Марк Дельвиг выкупил архив раньше остальных. Теперь он предлагает восстановить старинные часы, в которых скрыто доказательство преступлений моего бывшего. Только Марк тоже привык распоряжаться чужими судьбами. Пока часы отсчитывают последние минуты. Смогу ли я разоблачить предателя, вернуть своё наследие и полюбить мужчину, который впервые увидел во мне не вещь, а человека?

© Огнева А., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Амина Волкова

Развод с коллекционером.

Я больше не твой экспонат!

Глава 1

До суда я думала, что хуже всего будет услышать: «Брак расторгнут». Виктор приготовил другое. Он собирался продать мои рабочие тетради вместе с тем, что я писала в них по ночам, когда его не было дома.

Термос я оставила в сумке незакрученным. Кофе остыл еще у входа, а в зале пришлось терпеть жасмин Ирины: от ее духов першило в горле. Она уселась так близко к Виктору, что задела коленом его колено. Поправила галстук, подержала ладонь у него на груди и только потом взглянула на меня. Я потянула ворот серого пальто повыше. Виктор осмотрел меня с тем же выражением, с каким браковал часы: поцарапано, чинить дорого, брать не будем.

— Эта мышь будет мешать нам наслаждаться моментом, — сказала Ирина ему на ухо. Нас разделял проход, но я расслышала. Она и рассчитывала, что расслышу. Адвокат рядом со мной перестал листать бумаги; я покачала головой, чтобы не вмешивался.

Правый каблук цеплялся за линолеум. Утром я подклеила набойку, и теперь, пока судья искал нужный лист, проверяла ее носком другой туфли. Развалится — пойду домой хромая. Из-за этой мелочи хотелось плакать сильнее, чем из-за галстука. Под столом я стиснула ладони, уперлась ногтями в кожу. Только бы не закусить губу на глазах у Ирины.

Судья поднял очки на лоб, потер переносицу и принялся читать. На моей фамилии запнулся. Я машинально хотела поправить, но адвокат тронул меня за локоть: подождите. Мы ждали одного слова — «дневники». Все остальное, даже мебель и квартира, пока отходило на второй план.

— ...раздел совместно нажитого имущества... интеллектуальная собственность...

Виктор поднял руку и уже начал говорить, не дожидаясь кивка судьи. Я знала этот прием: занять паузу раньше другого. Дома из-за него я неделями не могла договорить одну просьбу.

— Ваша честь, все архивы реставратора Алисы Верещагиной, включая дневники, чертежи и уникальные методики восстановления сложных механизмов XVIII века, были созданы в период брака. Следовательно, они являются совместной собственностью.

Адвокат вскочил так резко, что сдвинул мой стул. Молодой, с залоснившимися локтями пиджака; на его услуги ушли деньги, отложенные на курсы. Я вцепилась в сумку и ждала, что он скажет именно о личных записях. — Возражаю. Эти материалы относятся к работе Алисы Сергеевны, часть создана до соглашения...

— Соглашение о передаче архива, — перебил Виктор. Достал папку, заранее раскрытую на нужном месте, придавил лист двумя пальцами. — Алиса подписала его для семейного бизнеса «Часовой дом». Пять лет назад. Когда еще верила в нашу любовь. Последние слова он адресовал мне. Ирина опустила глаза на его руку и улыбнулась.

У меня под пальцами заскрипел край стола. Пять лет назад он принес бумаги после ужина. На скатерти осталось круглое пятно от вина; я боялась поставить локоть в него и держала лист на весу. «Подпиши, это для налоговой. Мы же семья». Я спросила, почему такой мелкий шрифт. Виктор поцеловал меня в висок вместо ответа. Помнила этот поцелуй до сих пор — а текста не помнила совсем.

Он поднял на меня глаза, и я по старой привычке стала искать в них оправдание. Хотя какое-нибудь: не так поняла, адвокат перестарался, Ирина настояла. Виктор поправил край

листа, который загнулся под его пальцем. Смотрел, дожусь ли я окончания его речи или сорвусь раньше. Вот и все оправдание.

И тут дверь зала заседаний распахнулась.

Вошедший мужчина пах сигаретами: в тесном зале это сразу перебило жасмин. На лацкане его синего костюма блеснул значок «Гелерии». Я знала этот аукционный дом по каталогам. Плечом он придержал дверь и сделал шаг к столу, как человек, которому обещали, что его ждут.

— Прошу приобщить уведомление, ваша честь, — сказал он, снимая шляпу. — Аукционный дом получил от ООО «Часовой дом» заявку на реализацию архива. Лот номер семь...

Он повернул планшет к нам. Я успела увидеть номер семь и свое имя. Потянулась вперед, пытаюсь разобрать мелкую строку под фотографией архива, но мужчина уже читал ее вслух.

— ...«Архивы и личная жизнь реставратора А.» — уже включен в закрытый торг для аккредитованных коллекционеров. Стартовая цена назначена.

Я встала, задев коленом стол. Стул с противным скрежетом уехал назад. Несколько человек обернулись; меня это больше не остановило. В каталоге стояло «личная жизнь». Он действительно написал эти слова, а не просто пугал ими.

— Это незаконно! — мой голос сорвался, стал тонким, визгливым. — Мои дневники! Моя жизнь! Вы не имеете права...

— Тишина! — Судья стукнул ладонью по столу. — Уведомление передайте через представителя. Это заседание, а не торги.

Виктор дождался, пока я посмотрю на него. Так он делал на блошиных рынках, когда продавец уже почти соглашался на низкую цену: слегка приподнимал уголок рта, оставляя последнее слово за собой. Сейчас вместо продавца была я.

— Ты была частью моей коллекции, Алиса, — произнес он тихо, но каждый услышал. — Коллекция должна быть продана целиком, чтобы сохранить ценность. Фрагменты стоят дешевле целого. А ты... ты всего лишь фрагмент.

В дневнике между схемами я записывала, как он возвращался и как я слушала ключ в замке. Иногда рядом с чертежом пружины было всего два слова: «Опять одиноко». Эти страницы попадут к людям, которые торгуются за чужие вещи. Я попыталась вспомнить, на каких именно листах они были, словно еще могла выдрать их заранее.

Я добралась до двери, держась за спинки стульев. Двое охранников перегородили выход. Один глянул через мое плечо на судью; пока он не разрешил перерыв, меня не пропускали. Зато за их спинами уже высывались телефоны. Кто их привел сюда? Я видела знакомый объектив из светской хроники Виктора и поняла: случайных людей среди них немного.

Вспышки били по глазам, оставляя цветные пятна в темноте. Вопросы сыпались градом, грубые, злобные, любопытные: — Алиса, вы согласны стать экспонатом? — Почему вы позволили мужу контролировать вас столько лет? — Правда ли, что вы продавали часы на стороне?

Прикрыла лицо ладонью, но телефон просунули снизу, почти под локоть. Пришлось отвернуться к стене. Я боялась, что они снимут не слезы, а открытый рот — то нелепое выражение, с которым я все еще пыталась вдохнуть. Вспомнила, как сама подносила лупу к трещине на эмали. Теперь меня рассматривали так же близко.

За телефонами оставался маленький просвет у колонны. Я посмотрела туда, чтобы хоть на секунду не видеть объективов.

Мужчина в темном пальто стоял отдельно. Высокий, широкоплечий; люди обходили его, хотя он никому не мешал. Телефона у него в руках не было. Когда наши взгляды встретились, он не отвел свой. Я поспешно опустила ладонь от лица: перед ним почему-то стало неловко прятаться, а подойти было страшно.

Глава 2

Наконец объявили перерыв, охранники раздвинулись. Кто-то из снимавших побежал звонить, и у колонны освободилось место. Мужчина направился ко мне. У него были морщинки возле рта, заметные, когда он сжал губы, оглядывая тех, кто еще держал телефоны поднятыми.

На снимках в журналах я видела Марка Дельвига только рядом с витринами. Он покупал музейные коллекции; Виктор однажды полвечера объяснял, почему ему нельзя уступать редкие вещи. Тогда я слушала вполуха. Теперь имя вспомнилось сразу.

Он протянул мне стакан воды и сложенный платок. Платок он держал за уголок, а стакан — у самого дна: мне не пришлось бы касаться его пальцев.

— Пейте. Он говорил негромко. Я услышала без труда, хотя за спиной продолжали спрашивать про аукцион. Моя ладонь дрожала возле стакана: взять его и не расплескать я пока не могла.

Я отступила на полшага и ударилась локтем о подоконник. Он тоже пришел посмотреть на лот? От этой мысли свело живот. У воды был обычный запах, чистый платок висел у него на пальцах — и все равно мне хотелось, чтобы он унес это вместе со своей заботой.

— Оставьте меня, — попросила я. Получилось почти шепотом. Я спрятала руки в рукава, но он успел увидеть, как они трясутся.

Марк задержал стакан на весу. Потом поставил на подоконник и встал чуть сбоку от меня, прикрыв от ближайшего телефона. От пальто пахло сандалом и табаком. Я остро замечала расстояние между нашими плечами: шагну вперед — задену его. Никогда еще простой стакан воды не требовал от меня столько решимости.

— Виктор продал не только документы, — сказал он. Я повернула голову; ему пришлось наклониться, чтобы говорить со мной, а не поверх меня. — Он решил, что может распоряжаться и тем, что там написано. Это вы решаете, Алиса. — Он уже решил. Марк посмотрел на дверь зала, за которой оставался Виктор. — Посмотрим.

Визитку он оставил возле стакана. На черном картоне серебрились имя и номер. Я ждала еще какой-нибудь строки: президент фонда, председатель совета, владелец всего на свете. Только Дельвиг. Для него этого хватало.

— Подумай об этом, Алиса.

Когда он ушел, я взяла воду. Выпила слишком быстро, закашлялась, вытерла подбородок льняным платком. Кто-то еще пытался задать вопрос, но теперь я могла повернуться спиной. За последние полчаса это было первое действие, которое никто не оценивал и не запрещал.

После перерыва судья вернулся к личным записям. Адвокат подвинул мне лист для возражений. Виктор постучал телефоном по столу и посмотрел на меня. В нем оставались мои переписки с заказчиками — те, где он уже вырезал фразы,ставлявшие меня воровкой. Он показывал мне подборку накануне. Если я начну спорить, она пойдет коллегам раньше, чем я успею выйти из суда.

Я провела языком по внутренней стороне щеки. На месте, которое закусил во время вопросов, выступила кровь. Адвокат ждал, держа ручку над листом. Я могла сказать «пишите» — и не знала, кто завтра откроет мне дверь мастерской.

— Я не буду возражать против продажи архивов... пока. Адвокат повернулся ко мне. Это «пока» я повторила ему одними губами: сегодня мне нечем остановить рассылку. Виктор расслабил плечи, и от того, как быстро он успокоился, мне захотелось ударить его.

Адвокат наклонился ко мне: «Это еще можно оспорить». Я кивнула, не глядя на Виктора. Пусть сейчас думает, что я сдалась. Мне нужно выйти отсюда и понять, какие бумаги он подменил.

Под дождем у суда стало легче скрывать лицо. Вода затекла за ворот, я подтянула его обеими руками. Платок Дельвига уже был мокрым; жалко было пачкать его тушью, но я все-таки вытерла глаза. До остановки нужно пройти мимо Виктора и Ирины. Я решила смотреть на ступеньки, чтобы не упасть со своей подклеенной набойкой.

Ирина догнала меня на второй ступеньке. Ее ладонь легла на плечо так уверенно, словно я сама позвала ее помочь с воротником. Жасмин я узнала раньше голоса.

— Не переживай, дорогая, — мурлыкнула она, поправляя воротник моего пальто. Она провела ногтем по моей шее. Я вздрогнула: даже здесь она позволяла себе трогать меня без спроса. — На аукционе тебя купят быстро. Ты же красивая игрушка. Механизмы требуют ухода. А тебе нужен хозяин получше.

Я смахнула ее ладонь и выставила локоть, оттесняя от себя. Ирина отступила, скользнув подошвой по мокрой ступеньке. Потом засмеялась и оглянулась на Виктора: видишь, какая неблагодарная. Я пошла дальше, не оборачиваясь.

В этот момент завибрировал телефон в кармане. Неизвестный номер.

Ответила, прикрыв телефон мокрой ладонью от дождя. Марк назвал себя, хотя я уже узнала его голос. Было странно снова слышать спокойную речь после всего, что сказали мне у суда.

— Лот номер семь был снят с торгов десять минут назад. Я выкупил архив до начала торгов. Каталог уберут. Документы будут ждать вас у меня, и доступа посторонних к ним не будет.

— У вас? — переспросила я. Нужно было спросить, почему он сделал это, но меня занимало другое: мои страницы больше не будут листать покупатели. Я придержала телефон плечом и полезла в сумку за визиткой, боясь, что оставила ее на подоконнике.

— Жду вас в музее «Хронос», — продолжил он. — У нас есть дело, которое нужно починить. Часы моей матери остановились пять лет назад. И только ты знаешь, как их завести.

— Откуда у вас мой номер? — спросила я. — В каталоге был и он. Я закрыла глаза. Виктор не оставил мне даже права выбирать, кто позвонит.

Дождь потек по экрану, когда я закончила разговор. У такси остановилась, достала визитку и еще раз прочла имя. Можно сейчас назвать адрес музея. Но вещи остались дома, а я все еще не могла связать двух предложений, не вспомнив Ирину. Сначала заберу коробку. Потом вернусь к вопросу, что именно Дельвиг хочет от меня.

Визитку спрятала в сухой внутренний карман. Серебряные буквы оставили на большом пальце едва заметный след. Марк предложил мне чинить часы — дело, которое я умела. Об условиях он пока не сказал ни слова, и это тревожило сильнее его взгляда.

За ночь ключи в кармане успели порвать подкладку. Я нащупала связку у самого шва, достала и долго выбирала ключ от мастерской, хотя знала его на ощупь. Перед дверью на улице Строителей лежал размокший лист от Виктора. Поднимать его не стала: попробовала замок. Ключ входил, но не поворачивался. Внутри остались станки, коробки с колесами, начатый заказ; возле верстака — чашка, которую я так и не помыла перед судом. Я прислушалась. Обычно уже отсюда слышала, кто работает. Сегодня молчали все.

Арендодатель приоткрыл кабинет на цепочке. Мне было видно только половину его лица и рубашку, натянутую на животе. Он посмотрел на ключи. — Алиса Сергеевна, вы же понимаете. Виктор Аркадьевич оформил банкротство юрлица. Имущество под арестом. — Мне нужен мой инструмент. Не станки, хотя бы ручной. — Если войдете, полиция будет здесь через пять минут. А мне проблемы не нужны. Я подняла связку, показала нужный ключ. — Я здесь работаю. Вы меня знаете. — Ключи оставляйте у консьержа. Или в мусорный бак. Мне все равно. На последнем слове он потянул дверь к себе, и цепочка ударила по металлу. Я осталась с поднятой рукой.

Больше всего хотелось схватиться за цепочку и не дать ему закрыть дверь. Я ведь могла назвать каждую коробку на полке, знала, какой станок включается со второго раза. Но он говорил о полиции таким деловым тоном, что я отступила. «Мне проблемы не нужны». Со мной они, значит, уже были. Я подняла бумагу с пола, развернула на ладони; дождь размыл край подписи Виктора, но слова об аресте имущества читались прекрасно.

Он охотно отдавал мастерскую кредиторам и берег свои редкие часы. Я не понимала, как он успел разориться именно к нашему разводу. Позвонить адвокату прямо сейчас было стыдно: вчера я сама отказалась спорить, сегодня прошу спасти. Все равно написала ему про сменный замок. Бумагу сложила вчетверо и сунула в карман, отдельно от ключей. Пусть этот лист хотя бы не останется под ногами.

Лена работала в цехе напротив. Раньше я звонила ей даже с глупостями: посмотри, нормально ли сидит новое стекло, не слишком ли толстая прокладка. Теперь набрала и застыла возле подъезда, ловя ответный голос сквозь длинные гудки. Вызов сбросили. Повторять сразу не стала — может быть, клиент. Через час пришло: «Виктор сказал, что ты украла его архивы. Не звони мне». Я прочла дважды. Мы пили чай почти каждый вечер, и она даже не спросила, правда ли это.

Написала: «Ты же знаешь, что это мое». Стерла. Снова набрала, уже с объяснениями про соглашение, и опять стерла. Если ей хватило одного звонка Виктора, чтобы отправить мне эти два предложения, чего я добьюсь? Буду стоять через дорогу от ее окон и ждать, когда она перестанет бояться меня узнавать? Я убрала телефон. В кармане его придавил лист об аресте имущества.

Коробку из дома я все это время держала у ноги. Верх промок, фотографии прилипли к книге по истории механики. Я попробовала оторвать угол одной, но бумага начала расслаиваться, и пришлось оставить. В коробке лежали еще зубная щетка и всякая мелочь, которой хватает, чтобы назвать себя живой. Я хотела отвезти ее к Виктору и вывалить перед ним: вот, посмотри, что ты оставил. Вместо этого дошла до остановки. Когда подошел троллейбус, подняться не смогла — затошнило от голода. Устроилась на краю скамейки, прижав коробку к коленям, и дала ему уехать.

У меня в телефоне были контакты мастерских. Начала просматривать их и ловить себя на том, что возле каждого имени заранее готовлю оправдание. Мне нужен верстак, инструмент, возможность взять заказ. Но сначала место, где можно положить коробку и высушить блузку. Адвокат пока не отвечал. Я встала со скамейки и пошла искать дешевый ночлег — спрашивать о работе сегодня все равно не могла.

Глава 3

В хостеле для рабочих мне дали номер 104. Администратор пересчитала деньги за неделю и, прежде чем выписать квитанцию, еще раз проверила две купюры на свет. — Карты не проходят, — сказала она, хотя я их не предлагала. На койке простыня была натянута так туго, что пришлось с усилием вытащить ее из-под матраса. Я поставила коробку на пол, потом переставила на подоконник: там хотя бы не сыро. Вчера дома у меня было куда убрать все это. Сегодня даже зубную щетку пришлось завернуть в салфетку, потому что я не решилась оставить ее возле чужой раковины. Уснула в носках, с сумкой под боком. Посреди ночи потянулась к другой половине постели и обрадовалась, что там никого.

Наутро у газетного киоска в метро увидела Орловского. Его еще называли графом, иногда в шутку, иногда всерьез; ему, по-моему, нравилось и то и другое. Три месяца назад я восстанавливала для него башенные часы. Он тогда стоял у меня за спиной и спрашивал, какой звук у правильного боя. Теперь пил кофе, читая заголовки. — Доброе утро, я хотела... Он успел посмотреть мне в лицо. Я почти улыбнулась, узнавая знакомый поворот головы. Орловский убрал телефон в карман, поставил недопитый кофе на край киоска и пошел к эскалатору. Ускорился, когда я сделала шаг следом.

Я осталась у киоска возле его стаканчика. «Золотые руки», говорил он мне при оплате. Я могла бы напомнить — догнать, стать поперек дороги, вынудить ответить. Вместо этого отодвинула чужой кофе, чтобы не задеть локтем. Смотреть на него после этого было противнее, чем слушать Лену. Она хотя бы прислала отказ.

Вечером попросила у администратора часы из ящика. Дешевые механические, в пластиковом корпусе; она сказала, что они отстают и чинить их все равно дороже, чем купить новые. Я пообещала попробовать. Разложила на столе отвертки из наборчика, купленного в переходе, подложила лист бумаги, чтобы не потерять винты. Первые движения были привычными. Потом заметила, что пинцет мелко дрожит над колесом. Опустила локти, взяла заново — мимо. Колесо упало. Я ловила его краем ладони и зацепила пружину. Тихий щелчок, и она повисла сломанной. Подняла пинцет поближе к лицу: пальцы все еще дрожали.

Сложила инструмент на стол и села на обе ладони. Это были часы, которые никто не ждал обратно, а я уже испортила их. Что буду делать, если завтра мне дадут настоящий заказ? Дед всегда заставлял остановиться, когда руки переставали слушаться: «Быстрее испортишь — дольше исправлять». Я попробовала сосчитать дыхание. До десяти не дошла, сбилась и начала сначала.

Сломанную пружину положила рядом с корпусом. Можно купить такую же. Найти место, где продавец не спросит, почему я больше не в мастерской. До сих пор каждую неисправность я начинала с этого: что заменить, что сохранить. Сейчас даже маленькая покупка казалась неподъемной. Администратору сказала через дверь, что закончу позже. Она ответила: «Да хоть совсем заберите». Я закрыла дверь и села обратно, обиженная этой ненужной щедростью.

На четвертый день получила сообщение: «Приходите. Я купил ваши часы. Мне нужно, чтобы они шли точно». Ни приветствия, ни времени встречи — только адрес «Хроноса» на набережной. Сверила номер с визиткой. Дельвиг. Значит, помнил обо мне после суда и ждал не одного благодарственного звонка.

Я долго сидела с телефоном на коленях. Можно не идти. Тогда останется хостел, сломанная пружина и список мастерских, по которому я так никому и не позвонила. В каталоге моих архивов он увидел больше, чем я хотела показать чужому человеку; но что именно ему понравилось? Рабочие схемы или женщина, которую удобно брать за бесценнок? Открыла его сообщение снова. «Мне нужно, чтобы они шли точно». За эти слова и зацепилась.

Блузку я стирала в раковине, прижимая манжеты к ладоням; одну оставшуюся полоску грязи спрятала внутрь складки. В «Хроносе» у входа долго вытирала подошвы. Под высокими сводами слышала даже этот шорох. Витражи отражались на полу, охранник стоял возле стойки, посетителей пока не было. — К господину Дельвигу. Он посмотрел на меня, потом на конверт, приготовленный сбоку. — Алиса Сергеевна? Это вам. Аванс. Встреча завтра, в «Меридиане», в десять. — Он не выйдет? — Сегодня его здесь нет. Я взяла конверт обеими руками. Хотела спросить, не ошибка ли это, но охранник уже записывал, что передал его.

Сверху лежала записка: «Аванс за реставрацию». Под ней — купюры, пересчитывать которые на стойке я постеснялась. Денег было много. Достаточно, чтобы не просить Лену и не ждать Орловского у метро. Но никакого договора мне не дали. Я сложила записку обратно и спросила охранника, нужно ли расписаться. Он показал строку в журнале. Пришлось выводить фамилию медленно, иначе ручка дрожала. Вот теперь я действительно брала деньги Дельвига. Что он решит потребовать завтра, я еще не знала.

На улице остановилась под навесом, чтобы перечитать записку. Солнце появилось ненадолго, на противоположной стороне набережной заблестели мокрые окна. Я впервые заметила, что хочу есть, а не что меня тошнит. Возле музея пахло выпечкой, и ноги сами повернули к этому запаху. Потом я вспомнила конверт в сумке и свернула к остановке: сначала условия. Купленный за чужие деньги обед может обойтись дороже, чем кажется.

Телефон зажужжал, пока я искала проездной. Тот же номер. Я решила, что Марк дописал адрес кабинета, но на экране было другое: «Виктор знает, где ты живешь. Беги». Оглянулась на вход в музей. Охранник меня еще видел и поднял руку, решив, что я что-то забыла. Я вернулась под навес, прикрыв сумку с конвертом локтем. В хостел прямо сейчас идти не хотелось.

В «Меридиане» я сперва посмотрела на свое отражение в стеклянной двери и пожалела, что пришла. Пальто, купленное на блошином рынке, сидело мешком; ворот еще не просох после хостела. Я провела по нему ладонью, пытаясь пригладить ткань. Неделию назад у меня были дом и мастерская, теперь я опоздала даже на встречу, от которой зависела работа. После сообщения о Викторе два дня боялась выходить. Марк написал снова этим утром: номер кабинета, десять часов. Аванс я несла в сумке — ни одной купюры не тронула. Внутри здания было тепло, оттого стало особенно стыдно за то, как я выгляжу.

У турникета задержалась, не зная, куда приложить телефон. Охранник посмотрел на экран, но пропускать не спешил. Я увеличила сообщение, показала фамилию Дельвига и номер кабинета. Он снова перевел взгляд на мое пальто.

— Пропуск. — У меня только сообщение. Он подождал, будто я сейчас найду что-нибудь более убедительное. Спорить с ним было легко в воображении: ну прочтите же, там написано. Вслух я выдавила только имя человека, к которому пришла.

Колени подгибались. Вчера я снова ужинала чаем, решив дотянуть до утра на тех деньгах, которые еще были моими. Теперь перед турникетом казалось, что все замечают, как сильно я хочу сесть. Я переложила сумку в другую руку и произнесла громче:

— Меня ждет Дельвиг, — сказала я хрипло. Голос сорвался, превратившись в шепот. — Архивы Алисы Верецагиной.

Охранник потянулся к телефону на стойке, но передумал, когда увидел всю строку. Открыл боковой проход к служебному лифту. — Вас ждут. Наверх, последняя дверь. Я прошла и лишь потом выдохнула. На улице он бы меня не заметил; здесь достаточно было назвать Дельвига. Очень хотелось считать это своей победой, но я знала, кому она принадлежит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.